

«Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману

Юлия Николаевна Степанова , Сергей Анатольевич Комаров

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: yuliya-stepanova-979@mail.ru 

Аннотация. В статье рассматривается трансформация повести «Звезда Утренней Зари» в роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» русскоязычного хантыйского писателя Е. Д. Айпина, а также обозначаются механизмы жанрового перехода в сознании прозаика традиционалистского типа. Хантыйский автор выбирает для трансформации именно эту повесть, поскольку сюжет путешествия, на котором она основана, является одной из основных моделей конструирования романа традиционалистской поэтики. Айпин разветвляет хронотоп основной сюжетной линии повести за счет встреч главного героя с родственниками и знакомыми, его воспоминаний о прошлом своем и прошлом людей его рода, за счет обращений к будущему. Прозаик использует кумулятивный принцип построения частей сюжета для соединения разных временных событий в разветвлениях основной сюжетной линии романа. Стыки данных событий скрепляются определенными «точками перехода» (фиксация внимания на предмете, географическом положении, следах, животных, человеке и его внешности). Айпин также расширяет хронотоп за счет введения в текст фольклорного дискурса, который масштабирует пространство в вертикальной плоскости и придает времени свойства статичности, цикличности. Фиксация географических мест во время поездки главного героя укрупняет границы пространства. В результате анализа данной жанровой трансформации проясняется специфика конструирования жанра романа в прозе Е. Д. Айпина.

Ключевые слова. Е. Д. Айпин, повесть, роман, трансформация, сюжет, дискурс, синкретическая поэтика, традиционалистская поэтика

Цитирование: Степанова Ю. Н., Комаров С. А. 2024. «Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина: от повести к роману // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 87–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-87-99>

Поступила 18.05.2024; одобрена 11.11.2024; принята 02.12.2024

The Star of the Morning Dawn by E. D. Aypin: from novella to novel

Yulia N. Stepanova✉, Sergei A. Komarov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: yuliya-stepanova-979@mail.ru✉

Abstract. This article examines the transformation of the novella *The Star of the Morning Dawn* into the novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn* by the Russian-speaking Khanty writer E. D. Aypin, and it identifies the mechanisms of genre transition in the mind of a traditionalist prose writer. The Khanty author chooses this novella for transformation, since the plot of the journey — around which the novella is built — is one of the main models for constructing a novel within traditionalist poetics. Aypin branches the chronotope of the novella's main storyline using the main character meetings with his relatives and acquaintances, his memories of his past and his family's past, as well as appeals to the future. The novelist uses the cumulative principle of plotting parts to connect different temporal events in the ramifications of the novel's main storyline. The joints of these events are held together by certain "transition points" (fixing attention on an object, geographical location, footprints, animals, a person, and their appearance). Aypin expands the chronotope by introducing into the text folklore discourse, which scales the space in a vertical plane and gives time the properties of static, cyclicity. Fixing geographical locations during the main character's trip in the novel enlarges the boundaries of space. This genre transformation clarifies the specifics of the novel genre construction in E. D. Aypin's prose.

Keywords: E. D. Aypin, novella, novel, transformation, plot, discourse, syncretic poetics, traditionalist poetics

Citation: Stepanova, Yu. N., & Komarov, S. A. (2024). *The Star of the Morning Dawn* by E. D. Aypin: from novella to novel. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 87–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-87-99>

Received May 18, 2024; Reviewed Nov. 11, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

Первый роман в истории хантыйской литературы «Ханты, или Звезда Утренней Зари» стал результатом авторской переработки повести «Звезда Утренней Зари», и эта жанровая трансформация произошла в том числе и за счет расширения пространственно-временных границ изображаемых событий.

Особое внимание жанровой специфике прозы Е. Д. Айпина уделяют О. К. Лагунова [2007] и С. А. Комаров [2023]. Исследователи выявляют особенности жанровых структур рассказа, повести, романа, элементы синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества в формировании типа высказывания в творчестве хантыйского прозаика. Однако жанровая динамика и жанровые переходы прозы Е. Д. Айпина ранее не рассматривались. Обычно, исследуя поэтику романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», литературоведы обращаются к повести «Звезда Утренней Зари» для описания истории создания романа. В данном ключе упоминают эту повесть Е. В. Косинцева [2009], Л. П. Миляхова [2008] и Ю. Г. Хазанкович [2009].

Проза Е. Д. Айпина отличается сочетанием элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества. Осознанное применение «художественных принципов традиционалистской поэтики на данном этапе отсутствует» [Степанова, 2023, с. 108]. Отсюда следует «неосознанное сочетание различных дискурсов» (фольклорный и публицистический), слияние разных временных пластов, разных пространств, недифференцированность зон автора и героя [Степанова, 2023, с. 108]. Основой миростроительства языческого сознания является перетекание, именно это создает органику внутренних взаимосвязей сюжетных линий в романе хантыйского прозаика.

В исследовании при описании элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества в конструировании романа Е. Д. Айпиным идет опора на достижения исторической поэтики [Кожин, 1963; Бройтман, 2001].

Цель данной статьи — выявить механизмы трансформации повести в роман в индивидуальном сознании прозаика традиционалистского типа.

Результаты и обсуждение

Основной сюжетной линией повести и романа служит поездка/путешествие Демьяна. Для романа традиционалистского типа характерен сюжет путешествия. Как отмечает В. В. Кожин, рыцарский роман был связан с «великими путешествиями первооткрывателей неведомых земель», странствия героев здесь были отражением реальных путешествий и завоевательских походов. В последующем и в авантюрно-героическом эпосе, в «народном» романе мотив путешествия становится содержательной структурой жанра [Кожин, 1963, с. 53, 127].

В. В. Кожин также фиксирует, что в эпоху традиционалистской поэтики герои были привязаны «к известному месту, территории и к определенной общественной организации», человек всегда был частью своего мира, потому путешествие человека имело определенные цели и подразумевало возвращение в исходную точку [Кожин, 1963, с. 76]. Путешествие главного героя повести и романа Е. Д. Айпина также связано с определенным маршрутом и целью (поездка до поселка с целью покупки товаров для дома и встречи с сыновьями в школе-интернате) и предполагает возвращение. Это же характерно и для героев хантыйских мифов, сказок, легенд, преданий. Они «перемещаются в пространстве с определенными целями»: совершение подвига («Людоедка Порнэ

и Хи́лы»), поиск своего народа («Мойтнынг»), поход в гости («Зайчик и Медведь»), исполнение поручения («Как сын слепого царя искал живую воду») и т. д. [Степанова, 2023, с. 107–108].

Однако в сравнении с повестью в романе меняется пространство основной сюжетной линии: оно разветвляется за счет упомянутых встреч. Описание ситуации встречи, правил поведения в гостях как одного из способов воспитания ребенка Е. Д. Айпин использует в построении жанра повести («Я слушаю Землю»). Данный повестный опыт прозаик применяет для конструирования романа. Например, Демьян с сыновьями заезжает в гости к Галактиону, в школе сыновей навещает Корнеева. Но также появляется и новая схема встречи — случайная встреча на дороге, пересечение пути. По дороге в поселок Демьян встречает Седого, который, наоборот, возвращается из него. Ввод этих эпизодов создает стимулы для воспоминаний, а также для размышлений о проблемах народа ханты. Встреча Демьяна с Матреной, женой Коски Малого, напомнила о трагедии этой семьи — смерти дочери: «И хотя с той зимы прошло много лет, но Демьян отчетливо помнит те пронзительно-горькие дни» [Айпин, 2014, с. 110]. Встреча с Седым заставляет задуматься Демьяна о проблеме снижения поголовья оленей и ее причинах: война, алкоголь («Сам, мол, Седой виноват, все пропивает, все спускает до нитки, а в поселок перебираться не желает», «Ты воевал, северный олень») [Айпин, 2014, с. 180].

Н. Л. Лейдерман пишет, что роман в качестве жанра исследует именно «сцепления» отдельных граней или процессов действительности, потому для него характерна диалектическая многосложность как конструктивный принцип художественного мира [Лейдерман, 2010, с. 268]. Теоретик отмечает, что художественному миру романа свойственно выстраивание параллельных сюжетных линий, имеющих семантические точки соприкосновения [Лейдерман, 2010, с. 273–274]. Следовательно, специфика текстов Е. Д. Айпина, как уже отмечалось, состоит в сочетании элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества, что отличает данный роман от жанровой структуры романа индивидуально-творческой фазы, обозначенной Н. Л. Лейдерманом. В романе хантыйского мастера слова сюжетные линии выстраиваются не параллельно, они разветвляются от основной сюжетной линии, осложняют ее кумулятивность.

Проза Айпина характеризуется слиянием разных дискурсов в тексте, например, фольклорного и публицистического. Использование данных дискурсов становится одним из механизмов трансформации повести в роман. Основная сюжетная линия (поездка Демьяна) расширяется благодаря воспоминаниям героя о судьбах его родственников, образуя сложную сеть сюжетных линий, идущих друг от друга. Память становится частью фольклорного дискурса, т. к. воспоминания — это рассказы о людях рода главного героя, которые передаются от старшего к младшему и повторяются.

Данные воспоминания можно соотнести с жанром устного народного рассказа, то есть сказа «о недавнем прошлом», где повествуется особый случай или рассказ о герое [Чистов, 1987, с. 459]. Память в мировоззрении хантов иерархична, для них важна передача опыта. Как отмечает И. В. Силантьев, «феномен смешения и взаимодействия дискурсов характерен для многих культурных эпох» [Силантьев, 2006, с. 128]. Смешение Айпиным разных дискурсов нельзя назвать особым приемом конструирования романа, как, например, в постмо-

дернистском романе, где их использование имеет другую риторическую задачу (построение игровых и иронических текстов) [Силантьев, 2006, с. 128]. Айпин смешивает дискурсы неосознанно, в отличие от авторов постмодернизма, в текстах которых взаимодействие дискурсов осознается, мало регулируется и свободно [Силантьев, 2006, с. 130].

Ханты считают важным сохранение памяти об истории рода, передачу обычаев, традиций, фольклора и т. д. Именно поэтому в повестях для детей («В тени старого кедра» и «Я слушаю Землю») можно найти ситуации рассказывания молодому поколению воспоминаний об охотничьих способностях предков, мифов-сказок, легенд, загадок взрослыми или старцами рода. Таким образом, трансформируя повесть в роман, Е. Д. Айпин использует привычный способ связи с предками — воспоминания, благодаря которым главный герой может почувствовать боль рода, стать свидетелем трагических событий. Прозаик переводит память в конструкцию текста.

В повести «Звезда Утренней Зари» действие происходит в настоящем времени, в ней отсутствует мысленное движение главного героя в прошлое и будущее. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» пространственно-временные границы расширяются, настоящее переплетается с прошлым и будущим. В романе, в отличие от повести, выстраиваются несколько историй семей: 1) Демьян, его жена Анисья, сыновья Микуль и Юван; 2) Ефим Седой, его дед Петр, брат, отец, жена, дети; 3) Коска Малый, его жена Матрена, дети, отец Айсидор, братья Иван и Николай, сестра Тамара; 4) Куперлак Галактион, его отец, жена, дети, внуки; 5) Спиридон и Федор Казамкины. Воспоминания главного героя о людях его рода связаны со значимыми историческими событиями: падение самодержавия, коллективизация, массовые репрессии, Великая Отечественная война. Демьян не являлся свидетелем событий, происходивших с его родственниками, но память рода позволяет ему духовно и физически перемещаться между настоящим и прошлым.

В романе Айпина выявляется синкретизм временных пластов, переход из одного времени в другое не всегда обозначен. Например, Демьян, подъехав к реке Ягурьях, увидел старый кедр, который видели люди его рода. Старый кедр является точкой перехода и соединяет прошлое и настоящее:

«Быть может, поэтому Демьян задержался у дерева, прикоснулся к замшелому стволу. Старый кедр на своем веку многое видел и многое помнит. Он видел, как у одноногого Курпелак Галактиона после войны, на этой переправе, на середине реки, замертво свалилась правая пристяжная важенка. По инерции вожак и средний протащили ее волоком десяток шагов. Курпелак Галактион остановил упряжку и, сунув под мышку самодельный деревянный костыль, проворно заковылял к важенке, приподнял ее голову и развязал недоуздок» [Айпин, 2014, с. 144].

Некоторые воспоминания о прошлом тесно сопряжены с будущим. Сыновья Демьяна связывают три временных пласта. В будущем они так же, как и отец, хранят в памяти истории старожиллов, помнят родственников, узнают истории их судеб. Переход к будущему времени в тексте чаще всего обозначен: «А спустя годы Микуль, сын Демьяна, многое поймет, перелистав пожелтевшие бумаги»; «Его слова сбудутся. Однажды на этой же дороге Демьянов Микуль встретит его, постаревшего и изможденного»; «После, спустя годы, когда Микуль вернется домой...» [Айпин, 2014, с. 112, 157, 181].

Е. Д. Айпин соединяет воспоминания Демьяна о прошлом с будущим, чтобы показать, как опыт прошлого влияет на молодое поколение: «Что-то остается и в прошлом, но живы отголоски...» [Айпин, 2014, с. 112]. Например, когда главный герой с сыном обсуждают родственные связи с другими народами — о которых Микуль узнал от венгерской аспирантки-филолога Евы Шмидт — он тем самым учит сына быть достойным родственником. Микуль, вспоминая наставление отца, продолжает интересоваться связью с другими народами, их отношением к хантам: «И Микуль получит из Будапешта журнал „Уй тукур“ с заметками Ференца «Наши родственники, живущие в Сибири...» [Айпин, 2014, с. 33].

Кроме того, обращение к будущему предлагает другой взгляд на одну ситуацию. Демьян вспоминает о судьбе его родственника, Айсидора, погибшего от рук людей, борющихся с «врагами народа». Дочь Айсидора, Тамара, повзрослев, жаждала справедливости, пыталась найти человека, погубившего ее отца. Тамаре не удалось найти его, и спустя годы Микуль, узнав об этой истории, понимает, что это было невозможно в силу его социального положения. В будущем Микуль прочитает документ, в котором предлагаются данные о причинах снижения численности населения хантов (употребление алкоголя, падение рождаемости, повышение уровня смертности взрослого и детского населения, миграционные процессы одностороннего порядка), и иначе посмотрит на причины бед сына Айсидора, Коски Малого [Айпин, 2014, с. 112–113].

Размышления о социальных проблемах хантов являются частью публицистического дискурса в романе Е. Д. Айпина. Как пишет И. А. Дедков, предметом публицистики считается «вся жизнь, в ее прошлом, настоящем и будущем, частная и общественная, реальная или отраженная в прессе, искусстве, документе» [Дедков, 1987, с. 313]. В качестве доказательства демографической проблемы народа ханты Е. Д. Айпин вводит в текст отрывки из документа: «Некоторые материалы социально-демографического и наркологического обследования народа ханты поймы рек Вах и Аган» [Айпин, 2014, с. 112]. Кроме того, доказательством служат мнения конкретных хантов о данной проблеме. Айпин указывает имена этих людей, возраст, род деятельности, семейное положение: «Станислав Я-в (русский, коренной житель, рыбак-охотник, механик, 30 лет, двое детей, жена Надежда — ханты, зав. почтой, радистка — которая „детородна“» [Айпин, 2014, с. 113]. В публицистике монолог оратора выражает общественные умозаключения [Соболевская, 2001, с. 838]. Размышления о проблемах, связанных с алкоголем, отражают мнения многих хантов: «Продажу спиртного нужно запретить — это мнение всех, кто компетентен и заинтересован в судьбе национальности ханты» [Айпин, 2014, с. 116]. Публицистический дискурс объединяет позиции автора и Демьяна, т. к. тексты прозаика обладают элементами синкретической фазы развития словесного творчества, где наблюдается «субъектный синкретизм», или нерасчлененность автора и героя [Бройтман, 2001, с. 21].

В романе с будущим связано не только прошлое, но и настоящее. Как уже отмечалось, основная сюжетная линия расширяется за счет встреч с родными. Приехав в поселок, Демьян забрал сыновей из школы и поехал повидаться с родственниками. На ночь они остановились у Куперлак Галактиона, одного из сказочников рода. В романе Айпина

описана характерная ситуация рассказывания загадок, сказок, легенд старцем рода молодому поколению. Данная ситуация рассказывания встречается и в повести «Я слушаю Землю». В романе подчеркивается значимость сохранения фольклора, его передача из поколения в поколение. Потому появляется связь с будущим: в настоящем Юван и Микуль слушают сказки Галактиона у него в гостях, а в будущем, спустя двадцать лет, Микуль отправится на поиски сказочника, чтобы записать их на магнитофон.

Главный герой также обращается к воспоминаниям из своей жизни: 1) воспоминания об охоте; 2) воспоминания об олене Бежавшем Озером; 3) воспоминания о Марине. Данные эпизоды в повести отсутствуют. Первый эпизод начинает цепочку воспоминаний героя, однако они появляются не в пути, а в отправной точке. Демьян, перебирая добычу за первую половину зимы, вспоминает «какого зверя где и как взял» [Айпин, 2014, с. 14]. Главный герой как истинный охотник помнит точные места охоты, какое приспособление для ловли зверей и рыбы он использовал: «Первый песец попался в его капкан на Озере-в-Кедрах, в устье болотной речушки Кедровая Вода» [Айпин, 2014, с. 14]. Воспоминания об охоте Демьяна схожи с рассказами отца сыну об удачливой охоте деда в повести «В тени старого кедра». В хантыйской модели воспитания принято с помощью рассказов о предке учить ребенка традиционным занятиям.

Воспоминания об олене подчеркивают их важность в кочевой жизни хантов. Олени — это и пища, и одежда, и жилище, и средство передвижения [Кулемзин, 1992, с. 55–56]. Образ оленя часто встречается в сказках и мифах. Он олицетворяет силу, добро, плодородие, богатство. Для хантов олень — символ благополучия и жизненных сил [Александрова, 2007, с. 92]. Во время остановки для отдыха и кормления оленей главный герой вспоминает об одном из оленей, погибшем прежде времени. Демьян четко обозначает семейные связи оленей: Пеструха — мать Пирни и Бежавшего Озером. Подобное внимание к родственным связям животных наблюдается и в повестях для детей, где ребенок сопоставляет отношения внутри своей семьи с отношениями между животными. Такое детальное внимание к конкретным судьбам оленей, появившееся в романе, объясняется изменением финала. В повести главный герой прощает искателям убийство оленя, в романе же этого эпизода нет. Воспоминания о Бежавшем Озером подчеркивают ценность оленей. Хрупкий, слабый олененок выживает и становится сильным быком в стаде. Его смерть — это большая потеря, как и смерть Пеструхи от рук русских.

События в романе расположены не в хронологическом порядке. Как отмечает О. К. Лагунова [2007, с. 118], некоторые воспоминания встраиваются в другие, образуя «матрешку». Главный герой становится их «скрепой». Например, в воспоминания о Ефиме Седом включается воспоминание о трагической судьбе старика Петра. Их связывают родственные узы: Ефим является внуком Петра. Воспоминания о деде встроены с определенной целью: обозначить одну из причин душевной боли Ефима. Седой, будучи ребенком, становится свидетелем обвинения деда Петра в борьбе против нового режима. Таким образом, взрослые воспоминания Седого перетекают в детские, воспоминания о военных временах перетекают в воспоминания о репрессиях большевиков и возвращаются к послевоенному времени.

С. Н. Бройтман, исследуя развитие сюжета в эпоху синкретизма, выявил, что «кумулятивный сюжет строится на „нанизывании“», пространственном сближении-присоединении структурно самостоятельных единиц» [Бройтман, 2001, с. 60]. В романе Айпина архаическая кумулятивная схема становится способом связи эпизодов сюжетных линий в разветвлениях основной сюжетной линии. Эпизоды всегда объединяет либо тема, либо герой, либо место. Например, встреча со Спиридоном Казамкиным у магазина становится импульсом к воспоминаниям Демьяна об его отце, Федоре Казамкине, потерявшем ноги в военное время. Воспоминание о полученном увечье становится скрепой с воспоминаниями о Марине, которая рассказывала главному герою о встрече со стариком Федором. Эти воспоминания перетекают в будущее, где Микуль, сын Демьяна, читает книгу, в которой описан эпизод из жизни старика во время войны, уже упомянутый ранее: «Тут про человека нашей Реки написано, — сказал Микуль Волнистая Голова. — Про Федора-старика из рода Казамкиных» [Айпин, 2014, с. 314].

«Нанизывание» эпизодов сюжетных линий скрепляется «точками перехода» к воспоминаниям. Такими стыками/переходами могут быть: 1) предметы; 2) географические места; 3) следы; 4) животные; 5) человек, его внешность. Перебирая пушнину, Демьян вспоминает об охоте на этих зверей: «И невольно, перебирая пушнину, он вспоминал, какого зверя где и как взял» [Айпин, 2014, с. 11]. Размышляя о семье своих оленей, Пеструхи и Пирни, главный герой вспоминает о Бежавшем Озером: «А брат твой, Бежавший Озером, погиб. Прежде времени погиб... Теперь надолго замолчал Демьян. Видно, размышлял о судьбе Бежавшего Озером» [Айпин, 2014, с. 75]. Нередко можно наблюдать, как Демьян разговаривает с оленями, успокаивает их, рассказывает о предстоящих событиях. Например, главный герой, рассказывая важенке Пирни о том, что необходимо будет везти тяжелую нарту с мукой для хлеба, вспоминает о мифе, где «Верховный бог ханты для людей хлеб делал» [Айпин, 2014, с. 82].

Демьян как опытный охотник по любому следу мог определить, что происходило на этом месте. Во время остановки главный герой заметил следы полозьев на дороге, по ним он определил, какие олени были в упряжке, когда человек выехал в дорогу. Дорога находилась рядом с домом Седого, поэтому Демьян понял, что это были следы его нарты. Они ставятся толчком к воспоминаниям о судьбе его родственника: «Теперь ехал он и, размышляя о житье-бытье Седого, который приходится ему близким родственником, братом по Медвежьему сиру, почувствовал тепло его дома, будто побывал там и хозяйка напоила крепким горячим чаем» [Айпин, 2014, с. 50].

Приток главной Реки становится импульсом для первого воспоминания Демьяна о знакомстве с Мариной, которую он вез по этой реке в Нижний поселок в дни послевоенного лета. Подобный тип любовных взаимоотношений — мужчина-хант и русская девушка — мы наблюдаем в повести Айпина «В ожидании первого снега». Отношения Демьяна и Марины являются примером сближения «своих» и «чужих». Главный герой вспоминает, как Марина спрашивала о местах, где они проплывали, о праздниках и обычаях хантов («Пляска Медведя»).

В текстах Айпина отсутствуют подробные описания портрета героев, однако прозаик акцентирует внимание на определенных деталях внешности, которые важны для дви-

жения сюжета. Во время встречи с Матреной, женой Коски Малого, Демьян замечает изменения в ее лице. Герой сравнивает Матрену в прошлом и настоящем. Сейчас он ощущает от ее лица тепло, он видит блеск в ее глазах. Однако остались на ее лице следы горя, случившегося в прошлом: «Неподвижными остались только веснушки на морщинистом лбу. Эти морщины прорезали ее лоб более десяти лет назад» [Айпин, 2014, с. 95]. Данные следы становятся стимулом к воспоминаниям о смерти дочери Матрены.

Появление в романе фольклорного дискурса способствует расширению его хронотопа. Роман предваряет легенда о Вверх Ушедшем Человеке, которая отсутствует в повести. Ее ввод масштабирует пространственные границы: появляется мифологическое пространство, существующее в сакральном времени. Описывая мифическую эпоху, Е. М. Мелетинский маркирует начальное сакральное время как особое, не имеющее внутренней протяженности, выходящее за пределы временного потока. Исследователь отмечает, что первобытные люди воссоздавали события мифической эпохи благодаря обрядам и ритуалам. В силу синкретизма мифологического мышления обращение к мифическому прошлому поддерживало порядок в реальном времени [Мелетинский, 2000, с. 169–170]. Главный герой романа обладает мифологическим мышлением, поэтому в его сознании между реальным и мифологическим пространствами нет четких границ, они сосуществуют и соприкасаются [Степанова, 2023, с. 108].

В финале романа Демьян перемещается в Верхний мир, став Звездой Утренней Зари [Степанова, 2023, с. 119]. В повести переход между реальным и мифологическим пространством отсутствует, что связано с отличающимся финалом. В ней начальник искателей просит прощение за убийство оленихи, и главный герой прощает русских: «Прости нас, отец. Если можешь ... Понимаешь, людей у нас не хватает во как — до зарезу... Вот и берем иной раз всяких ... вроде тех Аполлонов да Семенов. Ты на нас зла не держи ...» [Айпин, 1982, с. 339–340]. В романе отсутствует эпизод встречи с начальником буровиков, в финале надежда на сближение «своих» и «чужих» рушится.

Пространство в романе расширяется также за счет упоминания определенных географических мест, которые проезжает Демьян. В повести обозначены Малый яр и Родниковое озеро, в романе на пути главного героя появляются новые места: Царская дорога вдоль Матери-Реки, правый приток главной Реки, река Древесная, Бор Выше реки, Малый пев, Большой Пев, Домашний бор Седого, уголья людей Лосинога рода, Малое Болото людей Лосинога рода [См. Айпин, 2014]. Географические положения встречаются и в воспоминаниях Демьяна о своем прошлом и о прошлом людей его рода: Озеро-в-Кедрах, речка Кедровая Вода, Главная река, Малая Прорубная река, река Древесная, Протока Болотной Стороны, устье Ягурьяха, Нижний поселок, Верхний поселок, Сургут, Три Реки, поселок Нефтереченск на Большом Яру. Вертикальное пространство увеличивает масштаб за счет более частых упоминаний Нижнего мира (в повести — один раз, в романе — девять). Это связано с упоминанием главным героем предков, ушедших в иное пространство бытия, и фольклора, описывающего строение Вселенной (мифы-песни на Медвежьем празднике).

Заключение

«Ханты, или Звезда Утренней Зари» — особый опыт конструирования романной формы хантыйским писателем. Историческая поэтика фиксирует разнофазовое развитие мировой литературы [См. Бройтман, 2001]. Хантыйская литература как часть литературы народов России находится в промежутке между синкретической и традиционалистской фазами развития словесного творчества. Эта специфика развития данной литературы накладывается на механизмы жанрообразования в прозе Е. Д. Айпина.

Трансформация повести в роман происходит благодаря разветвлению пространства основной сюжетной линии, использованию кумулятивного принципа построения частей сюжета для соединения разных временных событий, расширению временного пласта и появлению мифологического пространства, которое дает возможность герою перемещаться не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости.

Пространство в романе, по сравнению с повестью, становится циклическим. В финале жизнь главного героя не заканчивается, он перемещается из Среднего мира в Верхний, где он начинает новый цикл своей жизни в другой форме. Данный циклически-временной механизм и отсутствие дискретности свойственны для мифологии и, соответственно, мифологическому сознанию [См. Лотман, 1992]. Время в романе не течет линейно, как в повести, настоящее перетекает в прошлое или будущее и обратно, оно соединяет в себе свойства реального и сакрального, мифологического, времен; в центре бесконечное время мифа, где события происходят одновременно в пространстве-времени, которое становится доступным главному герою благодаря воспоминаниям о предках.

Таким образом, исследование трансформации повести в роман позволяет проследить механизмы жанровой динамики прозы Е. Д. Айпина второй половины 1980-х гг. на разных уровнях поэтики, выявить особенности художественного мышления на данном этапе развития хантыйской литературы.

Список источников

- Айпин Е. Д. 1980. Звезда утренней зари: Повесть // Урал. № 3. С. 37–54.
- Айпин Е. Д. 1982. Звезда утренней зари: Повесть // Близок Крайний Север. М.: Современник. С. 300–340.
- Айпин Е. Д. 2014. Собрание сочинений: в 4 т. Том 2. Ханты, или Звезда Утренней Зари. СПб.: Амфора. 383 с.
- Александрова Е. А. 2007. Семантика образов животных в фольклоре и литературе народов Севера // Литература народов Севера. СПб.: Шатон. Вып. 3. С. 92–98.
- Бахтин М. М. 2000. Эпос и роман. СПб.: Азбука. 302 с.
- Бройтман С. Н. 2001. Историческая поэтика: учебное пособие. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 320 с.
- Винокурова В. В., Сем Ю. А. и др. (сост.). 1991. Сказки народов Севера. Ленинград: Просвещение. 336 с.

- Дедков И. А. 1987. Публицистика // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. С. 313.
- Кожин В. В. 1963. Происхождение романа: теоретически-исторический очерк. М.: Сов. писатель. 439 с.
- Комаров С. А., Лагунова О. К. 2023. Проза Е. Айпина: особенности самоописания, жанровый ракурс, художественная целостность произведения // Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика / С. А. Комаров и др., отв. ред. д-р филол. наук С. А. Комаров. М.: Наука. С. 173–251.
- Косинцева Е. В. 2009. Роман Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (к вопросу об идейно-художественном своеобразии) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. № 4. С. 35–39.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука. 110 с.
- Лагунова О. К. 2007. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Издательство Тюменского университета. 260 с.
- Лейдерман Н. А. 2010. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ. 904 с.
- Лотман Ю. М. 1992. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра. С. 224–242.
- Мелетинский Е. М. 2000. Поэтика мифа. М.: Восточная литература; РАН. 407 с.
- Миляхова Л. П. 2008. Генезис, образный строй и контекст романа Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 63-1. С. 202–206.
- Силантьев И. В. 2006. Газета и роман: риторика дискурса, смешений. М.: Яз. славян. культуры. 222 с.
- Соболевская О. В. 2001. Публицистика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак. С. 837–838.
- Степанова Ю. Н. 2023. Динамика прозы Е. Д. Айпина 1980-х — начала 1990-х годов от повестей к роману: мотив движения // Культура и текст. № 4 (55). С. 106–123.
- Хазанкович Ю. Г. 2009. Мифопоэтика романа Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Вестн. Том. гос. ун-та. № 321. С. 32–35.
- Чистов К. В. 1987. Устный народный рассказ // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. С. 459.
- Чучелина Т. С. 1995. Сказки Югры. М.: Наш современник. 72 с.

References

- Aypin, E. D. (1980). The Star of the Morning Dawn: A Story. *Ural*, (3), 37–54. [In Russian]
- Aypin, E. D. (1982). The Star of the Morning Dawn: A Story. In *The Far North Is Close* (pp. 300–340). *Sovremennik*. [In Russian]
- Aypin, E. D. (2014). *Collected works: in 4 vols. Vol. 2. Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. Amfora. [In Russian]
- Aleksandrova, E. A. (2007). Semantics of animal images in folklore and literature of the peoples of the North. *Literature of the Peoples of the North*, (3), 92–98. Shaton. [In Russian]

- Bakhtin, M. M. (2000). *Epos and Novel*. Azbuka. [In Russian]
- Broytman, S. N. (2001). *A Textbook in Historical Poetics*. Russian State University for the Humanities. [In Russian]
- Vinokurova V. V., & Sem, Yu. A. (Eds.). (1991). *Skazki narodov Severa* [The Northern Peoples' Tales]. Prosveshchenie. [In Russian]
- Dedkov, I. A. (1987). Journalism. In V. M. Kozhevnikov, & P. A. Nikolaeva (Eds.), *Literary Encyclopedic Dictionary* (p. 313). Sovetskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Kozhinov, V. V. (1963). *The Origin of the Novel: A Theoretical and Historical Essay*. Sovetskiy pisatel. [In Russian]
- Komarov, S. A., & Lagunova, O. K. (2023). E. Aypin's prose: features of self-description, genre perspective, artistic integrity of the work. In S. A. Komarov (Ed.), *The Prose of Yeremey Aypin: An Ethnophilological Perspective and Historical Poetics* (pp. 173–251). Nauka. [In Russian]
- Kosintseva, E. V. (2009). E. D. Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn* (on the question of ideological and artistic originality). *Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology*, (4), 35–39. [In Russian]
- Kulemzin, V. M. (1992). *Meet Khanty*. Nauka. [In Russian]
- Lagunova, O. K. (2007). *The Phenomenon of Creativity of Russian-speaking Nenets and Khanty Writers of the Last Third of the Twentieth Century* (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi). Izdatel'stvo Tyumenskogo universiteta. [In Russian]
- Leyderman, N. L. (2010). *Genre Theory: Research and Analysis*. UrGPU. [In Russian]
- Lotman, Yu. M. (1992). The origin of the plot in typological coverage. In Yu. M. Lotman, *Selected Articles in 3 vols. Vol. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture* (pp. 224–242). Aleksandra. [In Russian]
- Meletinskiy, E. M. (2000). *The Poetics of Myth*. Vostochnaya literature; RAN. [In Russian]
- Milyakhova, L. P. (2008). Genesis, figurative structure and context of E. Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, (6-1), 202–206. [In Russian]
- Silant'ev, I. V. (2006). *The Newspaper and the Novel: Rhetoric of Discourse Mixtures*. Yaziki slavyansloy kul'tury. [In Russian]
- Sobolevskaya, O. V. (2001). Journalism. In A. N. Nikolyukina (Ed.), *Literary Encyclopedia Terms and Concepts* (pp. 837–838). Intelvak. [In Russian]
- Stepanova Yu. N. (2023). The dynamics of E. D. Aypin's prose of the 1980s — early 1990s from novellas to novels: the motive of movement. *Culture and Text*, (4), 106–123. [In Russian]
- Khazankovich, Yu. G. (2009). Mythopoetics of Yeremey Aypin's novel *Khanty, or the Star of the Morning Dawn*. *Tomsk State University Journal*, (321), 32–35. [In Russian]
- Chistov, K. V. (1987). Oral folk story. In V. M. Kozhevnikov, & P. A. Nikolaeva (Eds.), *Literary Encyclopedic Dictionary* (p. 459). Sovetskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Chuchelina, T. S. (1995). *Tales of Ugra*. Nash sovremennik. [In Russian]

Информация об авторах

Юлия Николаевна Степанова, аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

yuliya-stepanova-979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5431-0342>

Сергей Анатольевич Комаров, доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Information about the authors

Yulia N. Stepanova, Postgraduate Student, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia

yuliya-stepanova-979@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5431-0342>

Sergei A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia

vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>